

ARS LONGA

Чувство, которое вы испытываете в отношении Цветаевой, передается интенсивно, и более всего напоминает ревность*. Это чувство очень личной природы. Кажется, что она обладает чем-то, чего не хватает вам: отсюда это ощущение горечи и раздражения. Как будто вы ожидали от нее, а она не исполнила – да не потому, что не смогла, а потому, что не захотела. Беспощадней всего мы судим тех, кем были долго очарованы.

Упреки, выдвинутые вами в адрес МЦ, весьма противоречивы: с одной стороны, она всякую минуту своей жизни лицемерно стремилась «превратить в литературу», с другой стороны, ее гений «окреп и победил» слабую и недостойную человеческую личность. То есть победила ложь?

Даже если оставить в стороне тот вполне биологический факт, что реализованный творческий гений всегда оказывается долговечнее своего человеческого носителя, и тем самым «побеждает», сомнение вызывает ваш тезис о том, что природа творчества лжива.

«Писатели все лгут», – пишете вы в другом своем сочинении. Писатель, как любой художник, это медиум, и для воспроизведения звучания сфер его слух должен быть прозрачным и точным: ложь для тонкого восприятия смертельна. Лгут бездарности. Лгут те, чьи занятия творчеством имеют прикладную цель: а зачем процесс, когда есть цель? У творчества нет цели. Утилитарный подход поэзии противопоказан.

Ваше эссе написано с большой страстью и наполнено интимным отношением к Марине: это попытка объяснения с человеком, чей смутный образ запечатлен в воспоминаниях и биографических источниках. Собственно поэтическая сторона ее личности в вашем суждении играет роль скорей иллюстративную. Ваш разбор ее стихотворения субъективен и построен на сопоставлении стиха с какими-то жизненными и «реалистическими» обстоятельствами, а отнюдь не на рассмотрении его художественных особенностей. Этот подход подобен поиску прототипов к хорошему роману: занятие в историографическом смысле может быть и интересное, но в художественном отношении бесполезное.

Вы пытаетесь выявить прикладные цели ее творчества, которые на самом деле никакой роли в поэзии ее не играли: в стихах она была настоящая. Произведение делает бессмертным не осуществленная в нем авторская задача, а создаваемое состояние. Это как передать кому-то свое ощущение жизни. Чтобы в другой голове образовался смех. Или прикольные разноцветные ежики. Или чего-то такое классное, что приятно пережить и к чему хочется возвращаться. Даже если это печаль.

Вот эта волшебная способность привораживать словом и делает Марину поэтом. А что она думала и чувствовала, когда восходила на свою Голгофу и платила по всем счетам – никакие мемуары и исследования вам не расскажут. Это можно расслышать только собственным внутренним слухом. Если он есть.

*Рецензия на статью Н.Воронцова-Юрева. «Две темные луны. Цветаева. Версия.»